

Двойственное число

§ 8. Вопрос о двойственном числе в СПИ уже достаточно хорошо проанализирован с интересующей нас точки зрения (см. прежде всего Исаченко 1941 и ИГДРЯ 2001: 186–192). А. В. Исаченко показал, что:

1) употребление двойственного числа в СПИ вполне соответствует морфологическим и синтаксическим нормам древнерусского языка XII в., а немногие отклонения сходны с теми, которые наблюдаются также в других памятниках;

2) такая картина не могла быть достигнута путем подражания Задонщине, поскольку в ней двойственное число за одним исключением вообще отсутствует;

3) предполагаемый фальсификатор не располагал грамматическими описаниями, которые позволили бы ему правильно построить все словоформы двойственного числа, использованные в СПИ; на основе имевшихся в его время грамматик он получил бы, в частности, в 1-м лице двойств. ошибочное *есма* (добавим к указаниям Исаченко: или *есва*), тогда как в действительности в СПИ выступает правильное *есѣѣ*;

4) не мог он и непосредственно извлечь все эти словоформы из опубликованных к его времени летописей и других древних памятников: большинства этих словоформ там нет; следовательно, какие-то из них он непременно должен был строить сам.

К этому разбору ныне можно добавить следующие детали.

В нарушение классических древнерусских норм в СПИ все словоформы И. дв. средн. имеют окончание *-а* (а не *-ѣ/-и*): *два солнца* 103; *ваю храбрая сердца въ жестоцемъ харалузѣ скована, а въ буести закалена* 113. В традиционных памятниках такие формы появляются

лишь начиная с 3-й четверти XIII в. Но берестяные грамоты показали, что они существовали уже в XII в., ср. *дѣва лѣта* (№ 113, 2-я пол. XII в.), *2 лѣкна* (№ 671, то же время). Мы знаем теперь, что это очень ранняя инновация, начавшаяся на северо-западе не позднее XII в. (см. Зализняк 1993, § 22 и ДНД₂, § 3.12, конец) и в дальнейшем распространившаяся и на другие зоны.

Другое обстоятельство, заслуживающее особого внимания, состоит в том, что в некоторых пассажах СПИ формы двойственного числа (ниже даны жирным шрифтом) перемежаются формами множественного (ниже подчеркнуты), например: *О моя сыновчя Игорю и Всеволоде! Рано **еста начала** Половецкую землю мечи цѣвлити, а себѣ славы искати. Нѣ нечестно одолюсте, нечестно бо кровь поганую проліясте* 112. И далее в том же обращении к Игорю и Всеволоду: *Нѣ рекосте: «Мужаимѣся сами, преднюю славу сами похитимѣ, а заднюю ся сами подѣлимѣ!»* 116. Исаченко основной причиной считает здесь начавшееся уже в XII в. расшатывание категории двойственного числа.

Однако такое объяснение не согласуется с нынешними знаниями о статусе двойственного числа в древнерусском языке XII в. (см. ИГДРЯ 2001). В действительности множественное число могло появляться в ранних текстах вместо ожидаемого двойственного прежде всего потому, что автор не всегда имеет в виду только строго своих двух адресатов: он может мыслить их вместе со всеми, кого они возглавляют (дружиной, домочадцами и т. п.). При этом переход от одной авторской позиции к другой может совершаться очень легко. Примеры этого рода отчетливо обнаруживаются в берестяных грамотах; ср. в грамоте № 644 (1-я пол. XII в., письмо Нежки к брату Завиду, с упоминанием второго брата — Нежаты): *а не сестра а вамо, оже тако дѣлаете, не исправит*⟨e⟩* ми ничето же (множ. число в мес-*

тоимении *вамо* и в глаголах показывает, что Нежка имеет в виду и еще каких-то членов семьи или домо-чадцев); в грамоте № 603 (2-я пол. XII в., письмо к Гречину и Мирославу): *вы ведаета, оже а таже не добыле; тажа ваиа* (словоформа *ваиа* подразумевает участие еще каких-то лиц, кроме двух адресатов).

Далее, следует отметить императив 1-го лица множ. *мужаимѣся*. Исаченко допускает (как и некоторые другие комментаторы), что это испорченное 1-е лицо двойств. *мужаи(в)ѣся*. С нашей точки зрения, однако, для такого исправления текста СПИ нет достаточных оснований и в нем нет необходимости. Во-первых, во фразе *Мужаимѣся сами, преднюю славу сами похитимъ, а заднюю ся сами подѣлимъ!* не одна только эта словоформа, а все предикаты стоят во множ. числе, и это прекрасно согласуется с тем, что исполниться мужества и добыть воинскую славу должны не только два князя, но и все их воины. Во-вторых, при *мужаимѣся* (как и при последующих предикатах) стоит слово *сами* (множ. число); это значит, что нельзя предполагать здесь замену при переписке всего лишь одной буквы в предполагаемом первоначальном *мужаивѣся*, — речь может идти только о переводе всей фразы из двойственного числа в множественное. В-третьих, словоформа *мужаимѣся* находит прямую аналогию в *не проливаиме крѣви* (Синодальный список НПЛ, [1137]⁵) и еще раз *а крѣви не проливаиме* ([1216]; в Комиссионном списке *не проливаимя*). Что же касается записи глагольного окончания как *-мѣ* (вместо *-ме*), то она не может здесь быть препятствием, поскольку переписчик СПИ явно имел некоторую склонность к замене *-е* на конце слова на *-ѣ*: ср. звательные формы *землѣ* (наряду

---

⁵ Здесь и далее при цитировании летописей в квадратных скобках указывается год, к которому относится цитата.

с земле), *Всеволодѣ* (наряду с *Всеволоде*), *Осмомыслѣ*, *вѣтрѣ*, И. мн. *ратаевѣ* (ср. *дятлове*), аористы *высѣдѣ*, *утрънѣ* (вместо *высѣде*, *утръне*); фонетического различия между *e* и *ѣ* в данной позиции у него явно не было, а букву *ѣ* он, по-видимому, воспринимал как более престижную.

Этот конкретный пример не отменяет, конечно, того обстоятельства, что ошибки при переписке были возможны. В поздних списках с древних сочинений встречаются ошибки в употреблении двойственного числа, несомненно принадлежащие переписчику. См., например, ИГДРЯ 2001: 167 о заменах двойственного числа, стоящего в Синодальном списке НПЛ (XIII–XIV вв.), на множественное в Комиссионном списке (XV в.). То же в Ипатьевской летописи, например: *и досыти ми пересердиѣ оучинила еста* (Ипат., основной список, [1148], л. 133 об.), *и тако ѿложиста ѡба* ([1160], л. 180) — в Хлебниковском списке XVI в. *оучинили есте*, *ѿложиша*.

Поэтому было бы почти невероятно, чтобы переписчик СПИ решительно нигде не ошибся в копировании древних форм двойственного числа. И действительно, некоторое число таких ошибок (впрочем, небольшое) в СПИ имеется. Так, почти наверное переписчику принадлежит множ. число в *тии бо два* 88 и *отець ихъ* 88 вместо двойств. *та бо два*, *отець ею*; вероятно, так же следует интерпретировать *лебедиными крылы* 76 (вместо *лебединыма крылома*) и *вась* 133 (вместо *ваю*). К числу других погрешностей при копировании форм двойств. числа следует отнести *убуди* 88 вместо *убудиста* (вероятно, не без влияния трех других *убуди* в предшествующих частях текста) и *съ нимъ* 103 вместо *съ нима*; возможно, еще *подасть* 103 (ср. также ниже о вероятной вставке слова *два* в *тии бо два храбрая Святъславлича*).

Для любой из этих ошибок можно указать аналоги в рукописях XV–XVI веков. Ср., например: *а тѣ два брата Ахматова* (Уваровская летопись XV в., л. 199), где *тѣ* — форма множеств. числа; *Іоѡнъ же и Симонъ пристави блюсти вѣхода* (Флав., 446б), где *пристави* — ошибка вместо двойств. числа *пристависта* (и действительно, в других списках здесь стоит *пристависта*).

Таким образом, картина употребления двойственного числа в СПИ соответствует реальному узусу XI–XII веков и реальному облику поздних списков даже в большей степени, чем полагал А. В. Исаченко.

Следует также особо отметить, что в СПИ имеется целый ряд примеров употребления двойственного числа без числительного для предметов, не обладающих природной парностью: *ту ся брата разлучиста* 71; *уже соколома крильца приѣшали* 102; *молодая мѣсяца* 103; *о моя сыновчя* 112; *ваю храбрая сердца* 113; *вступита, господина...* 129; *своя брѣзая комоня* 191. В истории русского языка этот тип употребления двойственного числа имен исчезает раньше всех прочих. В позднедревнерусский период употребление числительного в таких сочетаниях становится практически обязательным. Заметим, что несколько примеров с числительным есть и в СПИ: *тѣи бо два храбрая Святъславлича* 88; *се бо два сокола слѣтѣста* 102; *два солнца помѣркоста* 103; *оба багряная столпа погасоста* 103. Но в последних трех примерах числительное (*два* или *оба*) несет и некоторую собственную функцию, помимо дублирования двойственного числа в существительном, чем и оправдывается его присутствие. Лишь один пример: *тѣи бо два храбрая Святъславлича* — составляет в этом смысле исключение и выглядит как позднедревнерусский: раннедревнерусская норма требовала бы здесь просто *та бо храбрая Святъславлича*. Но в

этой фразе уже есть заведомая неправильность в виде *tiu* вместо *ta* (ср. выше), и можно полагать, что вся ее начальная часть на каком-то этапе подверглась искажению (а именно, «модернизации»).

Можно отметить в СПИ и такой необычный случай употребления двойственного числа, как форма *рекоста* во фразе *рекоста бо братъ брату: «се мое, а то мое же»* 77, где выбор числа сказуемого определяется непосредственно смыслом, а не формальным согласованием со стоящим в единственном числе подлежащим (*братъ*). Возможно ли было такое в древнерусском? Не ошибка ли это позднего сочинителя? Оказывается, не ошибка. Вот подлинная древнерусская фраза точно такой же структуры: *а Вячеславъ къ Изяславу начаста ладитиса* 'а Вячеслав и Изяслав начали договариваться друг с другом' (Ипат. [1150], л. 145).

Если попытаться подыскать среди рукописей XV–XVI вв. такие, где ситуация с двойственным числом наиболее похожа на СПИ, то хорошими кандидатами оказались бы «История Иудейской войны» Иосифа Флавия (переведенная в XI–XII вв., в списке последней трети XV в.) и Киевская летопись по Ипат. (т. е. летописные записи XII в. в списке первой четверти XV в.). И совершенно не подошли бы на эту роль тексты, сочиненные в XV–XVI вв., например, Задонщина, «Повесть о взятии Царьграда турками», «Хождение за три моря» Афанасия Никитина, любые летописные записи за сами эти века (во всех этих памятниках двойственного числа уже просто нет или почти нет), или такие сочинения, ближе стоящие к церковной традиции, как, скажем, «Повесть о Петре и Февронии» (где двойственное число есть, но употребляется бессистемно и в половине случаев неправильно).

Общий вывод Исаченко, который он делает с учетом уровня филологии XVIII века (и в молчаливом предположении, что мистификатор пользовался только опубликованными текстами): подделкой наблюдаемая в СПИ картина употребления двойственного числа быть не может.

На уровне обычного практического здравого смысла с ним нельзя не согласиться.

Остается, однако, еще тот абстрактный уровень рассуждения, когда не принимаются во внимание ограничения, связанные с практической жизнью, и не исключаются никакие предельные и маловероятные случаи — в частности, допускается, что Аноним был одарен способностями, многократно превосходящими способности обычных людей, и был готов вложить сколь угодно громадный труд в дело создания своего фальсификата. Рассуждая на этом уровне, мы должны допустить, что в принципе Аноним мог познакомиться с любой рукописью, лежащей в любом монастырском или ином хранилище (кроме разве что берестяных грамот). А если при этом он был гениальным лингвистом или гениальным имитатором, то для него не было неразрешимой проблемой овладеть на основе анализа этих рукописей (или путем их имитации) всеми теми тонкостями древнерусского двойственного числа, о которых шла речь.

Придется, конечно, допустить, что он был очень и очень не прост. Изучая рукописи, он сумел понять, что руководства ошибаются в отношении словоформ *есма* и *есва*: в древнейших рукописях он нашел на их месте *есвѣ*. Но если бы он всегда действовал этим методом, то неминуемо пришел бы к выводу, что двойственное число от *сердце* — это *сердци*: в главнейших древнерусских рукописях, откуда он почерпнул все остальные свои морфологические знания, это действительно имен-

но так. Как уже отмечено выше, словоформы на *-а* типа *сердца* и *солнца*, которые он вставил в СПИ, встречаются только в более поздних рукописях, а из по-настоящему древних — только в берестяных грамотах. И нам придется предположить, что тут Аноним по какой-то таинственной причине решил отказаться от своей грамматической ориентации на такие памятники, как Ипат. или Лавр., и для одной грамматической формы — И. В. дв. средн. — взял в качестве образца некий более поздний памятник.

Итак, в вопросе о двойственном числе мы приходим к тому, что уже в связи с одним лишь этим частным сюжетом версия поддельности СПИ необходимым образом требует допущения гениальности его создателя.

Энклитики

§ 9. В отличие от таких традиционных объектов грамматических исследований, как двойственное число, древнерусские энклитики (т. е. безударные слова, примыкающие к предшествующему слову) привлекали сравнительно мало внимания историков языка. Даже вопрос о самом инвентаре энклитик, т. е. о том, какие именно словоформы относились в древнерусском языке к этой просодической категории, до недавнего времени был еще не решен. Например, не было известно, что энклитиками были связки *есмь*, *еси* и т. д. Не были изучены и закономерности размещения энклитик в составе древнерусской фразы. Между тем мы знаем теперь, что в этой сфере действовали очень точные синтаксические механизмы. Поэтому вопрос о том, соблюдены ли эти механизмы в СПИ, может иметь первостепенное значение для выяснения времени создания этого текста. Важные замечания по поводу энклитик в